

К 60-летию первой русской революции

Ровно 60 лет назад, в воскресенье 9 (22) января 1905 года, по приказу русского самодержца Николая II было расстреляно мирное шествие к царю петербургских рабочих, доведенных до отчаяния невыносимым режимом гнета и эксплуатации. Больше тысячи человек убитых, около пяти тысяч раненых — таков был страшный ответ царя-убийцы. В это «Крова-

вое воскресенье» под звуки ружейных залпов рухнула вера рабочих в царя. Началась первая русская революция, ставшая, по выражению В. И. Ленина, той «генеральной репетицией», без которой невозможно была бы победа в октябре 1917 года.

Поистине героическими были усилия большевиков-ленинцев, направленные на то,

чтобы объединить все революционные силы во главе с пролетариатом в единый могучий поток. Революция нарастала. Уже в январе — 440 тысяч забастовщиков, то есть больше, чем за предыдущие десять лет. Встают баррикады на улицах промышленных центров. Начинаются крестьянские волнения. Флаг революции взвизгивает на броненосце «Потемкин». Затем —

всероссийская политическая забастовка в октябре, декабрьское вооруженное восстание, бои на улицах Москвы... Сколько их, славных исторических вех, которыми отмечен путь развития революции 1905—1907 годов!

Сегодня мы публикуем первые материалы из серии статей, которые будут посвящены выдающимся событиям первой русской революции.

Пролог Октября

Два очевидца и участника трагических событий 9 января рассказывают о первом дне революции — бывший питерский рабочий Ф. З. Евсеев и старейший русский актер А. А. Мгебров. Разумеется, неодинаково понимали тогда события потомственный рабочий-большевик и выходец из интеллигентной среды. Но каждый из них по-своему иллюстрирует известные ленинские слова о том, что революционное воспитание масс за один день шагнуло так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забытой жизни...

Так закипала кровь

Ф. ЕВСЕЕВ,

персональный пенсионер,
член КПСС с 1904 года

Я работал тогда на Трубочном заводе в Петербурге и хорошо помню, что толкнуло людей идти к царю. Рабочий день на заводах длился 10—12 часов, а на текстильных фабриках даже больше. На сон времени не хватало, не то что на отдых. Ничтожные заработки, штрафы, окрики, бесправие. Условия труда такие, что многие смолоду становились калеками. Так жить дальше было нельзя.

Рано утром 9 января я вышел на 4-ю линию Васильевского острова, где уже собрались рабочие и работницы других заводов и фабрик. Мне, большевику, было ясно, что выпросить у царя лучшую жизнь — дело безнадежное. Но многие еще верили в царя, переубедить их было невозможно. И колонны двинулись в сторону Зимнего дворца.

Когда подошли к Академическому переулку, к нам подъехали на лошадях четыре солдата и потребовали разойтись. Рабочие дружно ответили: «Никуда не уйдем!». Вдруг передние ряды дрогнули. Из-за угла выехали два эскадрона драгун. По приказу офицера они стали теснить колонну. Мы очутились во дворе, несколько человек были ранены. Но пристав и городовые не позволяли даже оказать им помощь, приказали покинуть двор. Люди пробегали, как сквозь строй, на нас снова сыпались удары.

Помню, добежал до 6-й линии и натолкнулся на конного офицера, который на всем скаку хотел было ударить меня саблей, но я успел отскокить. Через Андреевский рынок вышел на Средний проспект и здесь увидел, что рабочие нашего завода разбирают оружие из охотничьего магазина. Это было начало вооруженных стычек. Товарищи спиливали телфонные и фонарные столбы, саливали конки, телеги, бревна, перетягивали их проволокой. Путь царским войскам был прегражден. На баррикаде развевалось красное знамя.

Здесь я узнал о том, как встретил царь мирное шествие на Дворцовой площади, о предательских расстрелах рабочих в разных концах Питера.

Баррикада оборонялась героически. Ее защитники пускали в ход

камни, кирпичи, у некоторых в руках были охотничьи ружья. Но силы были слишком неравные.

На другой день василеостровские рабочие под руководством большевиков овладели типографией. В ней отпечатали листовки, распространили по городу. В прокламациях большевики клеймили царя и всю придворную свору как прямых виновников кровавого злодеяния. Комитет большевиков призывал к свержению самодержавия, к захвату арсеналов и оружейных складов, к освобождению из тюрем борцов за свободу, разгрому жандармских и полицейских управлений. Ни расстрелы, ни аресты не могли погасить рабочего гнева.

Наша первая революция была потоплена в крови. Но именно тогда рабочие впервые почувствовали свою могучую силу. И она в полную меру развернулась в октябре 1917 года.

Один день

И ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ

Рассказывает А. МГЕБРОВ

Очевидцы кровавых петербургских событий 9 января вспоминали, что с одной из первых баррикад Васильевского острова к ее защитникам со страстной речью обратился молодой человек в офицерской форме. Это был двадцатитрехлетний А. А. Мгебров. Сейчас Александру Авельевичу за восемьдесят. Но глядя в это смуглое одухотворенное лицо, слушающая голос, не так уж трудно представить его там, на баррикаде... Вот что рассказывает он:

«День 9 января круто изменил всю мою жизнь. Какой она была до этого? Родился и вырос в военной среде. Отец, генерал царской армии, отдал меня в кадетский корпус, а затем в Михайловское артиллерийское училище. Но уверець от идей, которые волновали тогдашнюю молодежь и проникли даже за стены военных учебных заведений, он был бессилен. Предгрозовые события 1905 года застали меня в Петербурге и сразу же вовлекли в свой круговорот.

В то воскресное утро я рано выбежал из дому, нанял «ваньку» — так в Петербурге звали извозчиков. «Езжай куда угодно!». У сфинксов против Академии художеств путь нам перерезали войска, строем направляющиеся к Дворцовой площади. В предрасветной мгле поблескивали ружья. Помню, я вскопчил на сиденье и закричал что было сил:

— Не смейте стрелять в народ!

Я так и не понял, произвели ли какое-нибудь впечатление мои слова, потому что перепуганный насмерть мой «ванька» рванул вскачь... Я был в таком возбуждении, что плохо помню, как пристал к колонне рабочих, потом добрался до Певческого моста, ведущего на Дворцовую площадь. А там за углом уже звучал рожок, гремели выстрелы, навстречу валила обезумевшая толпа. Мимо бежали женщины, пряча на

груди детей, кто-то падал, кого-то топтали. Мне казалось, мир рушится. Никогда еще смутный бунт, который давно уже разрастался в моей душе, не достигал такой силы и определенности. Помню, я забрался на тумбу и впервые в жизни произнес слова, которые не решился бы выговорить раньше:

— Долой самодержавие!

Разумеется, я не в полной мере сознавал, что делаю. Уже много лет спустя я встретил моего бывшего товарища по Михайловскому училищу Шиманского, к тому времени уже академика. Оказывается, в январе 1905-го он тоже приезжал в Петербург из Кронштадта и совершенно случайно оказался в толпе на Мойке. Какое же было его удивление, когда в странном офицере, выкрикивающем «кощунственные слова», он узнал своего однокашника! Однако пробиться ко мне не сумел.

Вместе с толпой меня вынесло на Невский, затем я вновь оказался на Васильевском. Там на углу Большого проспекта и Четвертой линии я впервые в жизни увидел баррикаду: поваленные фонари, какую-то утварь и прислоненные к ним в ряд ружья; позже я узнал, что рабочие захватили охотничий магазин. У баррикады стояла группа ее защитников. По-моему, они отшатнулись от меня, как и весь трудящийся Петербург в этот день отшатывался от людей в военной форме. Помню, стоя на гребне баррикады, я говорил им о своей солидарности с теми, кто поднимается на борьбу. Я продолжал говорить и тогда, когда из-за угла показались солдаты, защелкали затворы... Кто-то стащил меня вниз, кто-то утонул переулками...

От пережитых потрясений я заболел и проводил отпуск на Кавказе, когда революция докатилась и до российских провинций. Я был вновь втянут в гущу событий. В Тифлисе выступал перед солдатами, рассказывая о кровавом воскресенье. Затем переехал в Батум, участвовал в ноябрьских волнениях. Здесь совершил отчаянный поступок: вывел из казармы на помощь восставшим роту минеров... Грозил расстрел. После невероятных усилий и ухищрений отцу удалось взять меня на поруки...»

* * *

Здесь и кончилась военная карьера Александра Мгеброва. Начался долгий и тоже сложный путь артиста, создателя Героического театра, который был широко известен и любим зрителями на различных фронтах гражданской войны, исполнителя многих ролей на сценах МХАТ, ленинградских театров...

У Александра Авельевича много юных друзей. Ребята со всего двора, из соседних домов частые гости в его комнате, перегороженной импровизированным занавесом. Им он старается передать и свой опыт актера, и горение души, все такой же романтической и неумейной, как в юные годы...

Ленинград.